

Мятеж

Восьмого мая части григорьевской дивизии должны были двинуться на румын. Обстановка в полках была напряжена до предела, то и дело поступали слухи о мелких еврейских погромах, потом и вовсе худая пришла весть о 22 чекистах, истребленных батальоном второго Херсонского полка в Казанке, но у Антонова-Овсеенко все еще жила надежда, что если стронуть дивизию и ввязать в бои в Бессарабий, то никуда ей не деться, придется биться за мировую революцию. Того же восьмого мая секретарь Каменева связался с Григорьевым и предупредил, что особый уполномоченный Совета обороны хочет прибыть в штаб дивизии в Александрию для переговоров с ним: Каменеву явно понравилась роль инспектора. Григорьев по телефону ответил, что рад, но надобности в таком визите не видит: ему самому назавтра надо быть в Екатеринославе у Скачко – там бы и встретиться. Григорьев просил Каменева ждать его в штабе Скачко до одиннадцати вечера. Однако одиннадцать минуло, минула и полночь. Григорьева не было. Утром комендант поезда Каменева запросил Александрию: выехал ли поезд командира дивизии?

– Да, – последовал ответ.

Однако на станции Пятихатки (полпути от Александрии до Екатеринослава) никто не видел поезда атамана. На всякий случай комендант Пятихаток доложил:

– Что же касается бронепоезда, то последний прибыл в Пятихатки и потребовал два паровоза на стоянку. Когда отправится – неизвестно.

В Екатеринославе смешались:

– Кто прислал бронепоезд и куда он направляется?

– Прислал атаман Григорьев. Направляется на Екатеринослав. Когда – неизвестно (89, 143).

Потянулось томительное, полное неясности и дурных предчувствий ожидание: где Григорьев? Что означает этот таинственный и одинокий бронепоезд в Пятихатках?

Семь вечера, восемь, девять. В девять – раньше, чем сорвалась лавина телефонных звонков, раньше, чем застучали телеграфные аппараты, – в штаб приполз страшный слух об идущих на Екатеринослав эшелонах григорьевской дивизии. Тошнотворное предчувствие засосало души штабных: измена. Срочно секретарь Каменева связался с Пятихатками. Коменданта станции почему-то уже не было на месте, говорил дежурный. Говорил вяло, но то, что сообщал он на взволнованные вопросы, было страшно:

– Проходили поезда какие-нибудь с утра?

– Проходили.

- Воинские проходили?
- Бронепоезд прошел и семнадцать эшелонов.
- Куда?
- В Екатеринослав.
- Когда?
- Последний только сейчас.
- Дайте подробности.
- Ничего не знаю.
- Где комендант?
- Не знаю.

Связь оборвалась (89, 143-144).

В годы Гражданской связь была плоховата, поэтому Каменев не знал еще, что части Григорьева заняли уже Елисаветград и начали резать коммунистов, громить советские учреждения и, в ослеплении ненависти, еврейские кварталы. Никто еще не знал об «Универсале» – обращении Григорьева к народу, но уже было ясно: бомба, начиненная для Румынии, – шестнадцать тысяч человек, 60 орудий, 10 бронепоездов, – рванула в руках, начинявших ее. Власть большевиков на Украине отныне висела на волоске.

В слове Григорьева, обращенном к народу, не оставалось надежды на пощаду большевикам: «Вместо земли и воли тебе насильно навязывают коммуну, чрезвычайку и комиссаров с московской обжорки... Тобой воют, с оружием в руках забирают твой хлеб, реквизируют скотину твою и нахально убеждают, что все это для блага народа. Труженик святой! Божий человек, посмотри на свои мозолистые руки и посмотри кругом; неправда, ложь и неправда. Ты – царь земли, ты кормилец мира, но ты же и раб, благодаря святой простоте и доброте твоей... Народ украинский, бери власть в свои руки... Да здравствует диктатура трудящегося люда!.. Долой политических спекулянтов! Долой насилие справа! Долой насилие слева! Да здравствует власть советов народа Украины!» (1,4, 204).

10 мая днем неожиданно соединиться с Григорьевым по телефону удалось Антонову-Овсеенко из Одессы. Григорьев храбрился, старался держаться твердо. Услышав голос командующего фронтом, усмехнулся: «Очень приятно, очень рад. Докладываю вам, что правительство авантюриста Раковского я считаю низложенным. Через два дня я возьму Екатеринослав, Харьков, Киев, Херсон и Николаев. Будет создан съезд Советов Украины, который нам даст правительство народное, а не правительство политических спекулянтов-авантюристов. Уважая вас, как честного революционера, сердечно прошу принять меры к предотвращению кровопролития...

- Я должен знать, что Григорьев говорит со мной.

- Это тот Григорьев, с которым вы ездили в Верблюжку...

- Правительство Украины с Раковским во главе выбрано на 3-м съезде Советов Украины. Не нужно оружия, чтобы созвать новый съезд Советов... Правительство нынешнее создано волею крестьян и рабочих...

- При помощи пулемета.

- А у вас разве их нет, чем вы будете действовать?

- На выборах их употреблять не будем.

Антонов понимал, что переубедить Григорьева нельзя; он говорил для того, чтобы выиграть время: войск для подавления мятежа не было, последняя надежда теплилась, что Григорьева уничтожат секретные сотрудники...

- Имейте твердость выслушать меня: только новый съезд Советов может дать новое правительство...

Григорьев перебил:

- Поздравляю вас. Только свободное участие всех советских партий даст нам правительство...

- Чтобы прийти к этому, не надо браться за оружие. Наше дело военных сначала отвоевать всю землю Украины и обеспечить внутреннюю свободу трудящихся...

Григорьев знал, что он смертник. Ему надоело спорить.

- Я не спорю, я только прошу, чтобы то правительство, которое так далеко стоит от народа и которое вдарилось в политическую спекуляцию, немедленно ушло от нас. И мы вместе с вами (то есть с Антоновым-Овсеенко. - В. Г.), под вашим командованием, выдержим какой угодно натиск. Народ, избавившийся от чрезвычайки и диктатуры коммунистов, воспрянет духом и пойдет вперед, не останавливаясь ни перед какими позициями врага. Вот вам, товарищ, мой ответ. Крови мы не хотим, но для того, чтобы говорить с правительством, я приказал занять Киев, Полтаву, Екатеринослав, Харьков...

Антонов сурово подчеркнул:

- Не могу допустить вашего наступления. Григорьев остался тверд:

- От наступления отказаться не могу. Прошу прислать делегацию. Думаю Екатеринослав взять без боя.

- Прощайте, ушел, - обрубил Антонов.

- Всего хорошего, - ответил Григорьев» (1, т. 4, 203-208).

На огромной территории Украины начались бои, которые продолжались более двух недель. Елисаветград несколько раз переходил из рук в руки; жестокие бои шли за Екатеринослав и Черкассы. Сил у большевиков было крайне мало. До подхода частей с фронта Екатеринослав защищали отряды коммунистической молодежи, мальчишки 13-16 лет, и рабочие дружины. В Николаеве, в Черкассах, в Помощной к Григорьеву перешли красные гарнизоны. Лишь после переброски фронтовых частей в район восстания удалось переломить ситуацию: 27 мая Дыбенко отбил у григорьевцев Николаев, 29-го - Херсон. В ночь с 21 на 22 мая красный бронепоезд «Руднев» совершил неожиданный по своей дерзкой смелости налет на Александрию, где находились штаб Григорьева и стянутые для решительного боя резервы: ураганным артиллерийским и пулеметным огнем григорьевцы были рассеяны, потеряв до трех тысяч человек убитыми. С этого начался спад восстания. Подавлялось оно с исключительной жестокостью. Во всяком случае, под Кременчугом Ворошиловым и Беленкевичем применялись знаменитые «децимации» (изобретение Троцкого) - расстрел каждого десятого пленного, которые почти неизменно использовались при подавлении массовых выступлений народа против правительства.

Выхваченный из исторического контекста (что неизменно проделывается нашими историками) григорьевский мятеж предстает вспышкой нелепой, злокозненной, случайной, а сам Григорьев - просто каким-то украинским Иудой, человеком исключительного вероломства, спровоцировавшим бунт против родной, в сущности, власти тысяч крестьян, не забывших, что они крестьяне, несмотря на годы солдатчины. Но если быть честными и, напротив, вписать бунт григорьевской дивизии в контекст всего происходящего на Украине, то нам откроется абсолютная предрешенность, предопределенность этого мятежа, так давно партийными чинушами предчувствуемого и в разных местах подозреваемого. А «авантюристическая» роль самого Григорьева, упорно ему приписываемая, осмыслится как полностью фаталистическая. Он не врал, присягая Антонову-Овсеенко на верность и клянясь наступать на румын. Он тоже хотел, чтобы все кончилось для него честью и славой, его самого тошнило от дурных предчувствий неизбежности предательства. Он ведь чувствовал, как в «историческом бессознательном» - в душах десятков и сотен тысяч людей, ничего не знающих о законах, которые влекут их в коммунистическое завтра, - накапливаются злоба и возмущение против новой власти. Векторы единичных волей и раздражений соединялись, сливались в мощный, клокочущий поток; поток подхватил его, он стал голосом возмущения и злобы, полководцем ненависти; он не был вождем, он был лишь необходимым органом - командиром - того организма разрушения, которым стала его дивизия и который вовсю подпитывался извне. Он хотел справиться, совладать со своим гигантским телом ненависти, но не смог; управлять мятежом он не смог, оттого «григорьевщина» и осталась в памяти потомков какой-то кровавой блевотиной. Но и выбирать - быть или не быть восстанию - зависело не от него. Тысячи солдат его дивизии, тысячи родичей их в деревнях выбрали за него.

Дело заключалось, собственно, в том, что на Украине - в отличие от России, где большевики в 1917-1918 годах из тактических соображений воспользовались эсеровской земельной программой («земля крестьянам!»), чтобы потом протащить в деревне свою линию, - решено было не лукавить и сократить путь к коммунизму до минимума. В связи с этим произошла

как бы «обратная реставрация» помещичьего землевладения: в бывших имениях и экономиях решено было создавать совхозы, замышляемые в условиях разгромленного рынка как высокопродуктивные государственные фабрики хлеба, сахарной свеклы, племенного скота. При всей внешней привлекательности этой вызревшей в Кремле идеи не учитывалась одна только малость: чтобы воплотить ее в жизнь, требовалось вновь отобрать у крестьян захваченные ими у помещиков землю, скот, инвентарь. Уравнительный передел земли отвечал убогим экономическим интересам тогдашнего крестьянства, но сколь бы ни были они убоги, это были все же не отвлеченности, а интересы, поднявшие в свое время крестьянство Украины на повсеместное восстание против немцев. Теперь ситуация повторялась – землю вновь хотели отнять. Причем чем беднее был уезд, тем больше били правительственные меры по крестьянам, которые все еще мечтали, все еще надеялись стать хозяевами. Поэтому уже в феврале 1919 года в деревнях повсеместно начались возмущения, все усиливающиеся по мере того, как крестьяне знакомились с проводниками правительственной земельной политики – уполномоченными Наркомзема и Наркомпрода, чекистами, продотрядчиками. Все это были непонимающие, ненужные люди, абсолютно чуждые им. Когда же весной 1919-го, несмотря на полное фиаско политики комбедов, хорошо зарекомендовавшей себя в России (Украина была богаче, бедняков в деревне было меньше, а те, что были, не сразу прельстились возможностью безнаказанно грабить односельчан в пользу власти), начались принудительные хлебозаготовки, деревня ответила угрюмым сопротивлением, и скоро дело дошло до вооруженных схваток.

Задним числом конечно же партия признает потом ошибочность избранной земельной политики. Подходящие слова найдутся и у Ленина, и у Троцкого. Причем и в 1919-м, и в 1920 годах. Тактика таких признаний и украшает, собственно говоря, фасад тоталитарного режима своеобразным бюрократическим флером: товарищи, господа, смотрите – были ошибки, но мы их открыто признали, исправили. Вот решения, постановления, резолюции...

Одно из наиболее впечатляющих оправданий принадлежит Дзержинскому, который после крымской резни 1920 года, учиненной Землячкой, Пятаковым и Белой Куном, сокрушенно говорил В. Вересаеву: «Видите ли, тут была сделана очень крупная ошибка. Крым был основным гнездом белогвардейщины. И чтобы разорить это гнездо, мы послали туда товарищей с совершенно исключительными полномочиями. Но мы никак не могли думать, что они так используют эти полномочия...» (10, 30). Мы еще дойдем до Крыма и до того, что там произошло. Сейчас нам важно продрагаться сквозь бесчисленные «признания ошибок» и увидеть реальность, замутненную, а то и начерно замаранную самооправданиями и партийными бумажонками.

А реально весной 1919 года на Украине непрекращающейся чередой пошли крестьянские мятежи. Первым крупным был мятеж атамана Зеленого, командира сформированной эсерами против гетмана «днепровской дивизии», которая во время встречи с красными войсками держалась дружелюбно и даже, как ожидалось, могла примкнуть к ним. С Зеленым – тридцатитрехлетним задумчивым человеком, явным украинофилом, – разговаривал Антонов-Овсеенко. Атаман осторожно выразил готовность служить советской власти, но одновременно намекал на необходимость ее расширения: господство большевиков в правительстве не нравилось ему... Договорились вроде бы до того, что части Зеленого отойдут в тыл для переформирования по принципу регулярных. Вместо этого,

вернувшись к войскам, Зеленый отдал приказ о наступлении на Киев. Лозунги восставших были традиционны: за свободную Украину, за независимые от большевиков Советы, против насильственной коммуны. Действия тоже: погромы, уничтожение коммунистов, безумные, отчаянные бои с усмирителями.

29 марта был отдан приказ об истреблении Зеленого и объявлении его вне закона. Это не помогло: восстание ширилось, «банды» крестьян подходили к Киеву. Разведка доносила: «Некоторые села присоединились поголовно к бандитам; дома остались лишь старики и дети. 5 апреля бандами занята Тараща, 22-й полк здесь разбит и потерял 4 орудия... Общая численность банд до 6000, из них вооруженных винтовками несколько сотен, остальные вооружены косами, топорами, вилами... К северу от Попельни у бандитов 4 орудия. Бандиты мобилизуют население для перекапывания желдорпутей...» (1, т. 3, 344).

10 апреля отряды Зеленого ворвались в Киев, разбив коммунистический полк, и только личным вмешательством членов правительства, возглавивших партийные дружины, удалось восстановить порядок в городе. Ликвидировать восстание удалось лишь к началу мая, отряды Зеленого были рассеяны регулярными войсками, но на самом деле конфликт был просто загнан вглубь и ситуация продолжала оставаться взрывоопасной. Достаточно пролистать «Записки о Гражданской войне» Антонова-Овсеенко, чтобы получить представление о масштабах явления, столь неудачно поименованного бандитизмом, – это была самая настоящая крестьянская война против правительства, которое бросило на подавление мятежей более двадцати тысяч войск (лишь в половину меньше, чем на «внешнем» фронте), при артиллерии и бронепоездах – что, впрочем, не обеспечило успеха.

Гомельский мятеж, возглавленный левыми эсерами-активистами – сторонниками активной вооруженной борьбы с большевиками, был подавлен сравнительно легко. Труднее пришлось с восстанием, вспыхнувшим в бедняцких – именно бедняцких, а не кулацких, – районах Литинского и Летичевского уездов: здесь повстанцы принципиально стояли за «подлинную» советскую власть, обвинять их в контрреволюционности было трудно, ибо даже их политические декларации не выходили за рамки жалоб, написанных «наверх» для выяснения нелепых, надоевших недоразумений. Атаман восставших обращался к властям:

«Все крестьянское население Литинского уезда в течение двух месяцев было узурпировано диктатурой кучки проходимцев, большей частью евреев, не избранных ими, почему крестьянство, организовавшись, стало под красный флаг и сбросило навязанное ему правление евреев, называющее себя крестьянским. Город Литин и его уезд заняты красноармейскими крестьянскими войсками... Порядок в городе образцовый, что засвидетельствует посылаемая для вручений сего делегация от всех групп трудового населения. Прошу не присылать во избежание братского кровопролития войск. Если есть хорошие агитаторы (не коммунисты) христиане, прошу прислать. Всем советским учреждениям мною приказано возобновить работы...» (1, т. 4, 252).

То, что кровопролитие – не метод справиться с крестьянскими восстаниями, – понимали прежде всего военные, на которых были возложены карательные функции: ужас заключался в том, что и войска, состоящие из тех же крестьян, трясло, и вот-вот могло начаться что-то неопишное. Мобилизации в Красную армию были полностью провалены.

Армия ненавидела ЧК. Разгром и даже поголовное истребление тыловых чрезвычайок при отступлении красноармейских частей были довольно типичным явлением. Озлобление дошло до того, что даже такой надежный товарищ и проверенный герой, как командир Таращанского полка Боженко, именем которого названы улицы, послал Щорсу телеграмму следующего содержания: «Жена моя социалистка 23 лет. Убила ее ЧЕКА г. Киева. Срочно телеграфируйте расследовать о ее смерти, дайте ответ через три дня, выступим для расправы с ЧЕКОЙ, дайте ответ, иначе не переживу. Арестовано 44 буржуя, уничтожена будет ЧЕКА» (1, т. 4, 163). Кто погубил любимую жену Боженко, неясно. Но факт, что только уговоры Затонского удержали полк от похода на Киев...

Антонов-Овсеенко понимал, что для изменения ситуации необходимо принимать решения политического характера. После провала мобилизации в апреле 1919 года в записке Ленину он перечислил ряд мер, необходимых для того, чтобы удержать советскую власть на Украине. В их числе были: введение в правительство представителей демократических партий, связанных с крестьянством; изменение земельной политики; сокращение на 2/3 всех советских учреждений; отказ от продовольственной диктатуры (1, т. 4, 148).

Буквально накануне григорьевского мятежа в докладе «о борьбе с тыловыми восстаниями» он вновь предлагает: назначить новый съезд Советов Украины, «внести разъяснение по земельному вопросу», упразднить центральную украинскую ЧК, подчинить местные ЧК исполкомам Советов, упразднить продотряды, запретить работникам на местах третировать население именем Москвы... (1, т. 4, 154). Не у одного Антонова-Овсеенко была ясная голова. Член правительственной комиссии по продовольствию Ефимов сообщал в центр: «карательными отрядами украинских крестьян успокоить никак нельзя будет» – и умолял для начала изменить название партии большевиков-коммунистов хотя бы на «большевиков-общественников», потому что крестьяне так ненавидят слово «коммуна», что не могут его слышать (1, т. 4, 258).

22 мая екатеринославская большевистская газета «Звезда» поместила умную и беспощадную статью И. Сановича против ЧК, «всеобъемлющая компетенция» которых возмущает автора: почему права чрезвычайок ничем не ограничены? Для чего существуют военные и гражданские трибуналы, если ЧК имеют право внесудебной расправы? Кому они подчиняются? Он требует и изменения аграрной политики: «руководящим положением в данном случае должна быть линия наименьшего сопротивления и наибольшей близости к живым нуждам крестьянства...». Представляю, какое возмущение вызвали у товарищей по партии эти слова!

В 1933 году, когда выходили «Записки о Гражданской войне», Антонову-Овсеенко пришлось оправдываться за свои выводы 1919 года, называя их «поддакиванием кулаческим устремлениям» и «недопустимым обобщением фактов», – по-видимому, без этого самобичевания его честная книга, драгоценная для всех историков Гражданской войны, вообще не увидела бы свет. Что же касается И. Сановича, то ему уже в том самом 1919 году, без сомнения, пришлось выслушать упреки в соглашательстве и мелкобуржуазности. Умным советам умных людей, которые могли бы предотвратить реки человеческой крови, ни правительство, ни власти на местах не склонны были внимать. Преобладающая линия была другая: силой, не считаясь с жертвами, подчинить влиянию государства и партии, его

возглавляющей, все закоулки прежнего хозяйства. Окончательным и неколебимым сторонником жесткой линии по отношению к крестьянству, этому «несознательному», последнему буржуазному классу, своего рода материалу, необходимому пролетариату для выполнения своей исторической миссии, был Троцкий. Но Троцкий был не одинок. Романтическая большевичка Александра Коллонтай писала в то время: «На Украине сейчас, после закрепления власти за рабочими и крестьянами, начинает постепенно выявляться неизбежная рознь между этими несливающимися социальными элементами... мелкобуржуазное крестьянство целиком враждебно новым принципам народного хозяйства, вытекающим из коммунистического учения...» (28, 1 июня 1919 г.). Но если «целиком враждебно», то не следует ли его поголовно истребить, так же как и казачество? О том, что мысли такого рода, мысли, так сказать, обобщающие являлись в партийные головы, свидетельствует текст объявления одного из уездных военкомов, который всех трудящихся подразделил на особо благонадежных и менее благонадежных в политическом отношении: к последним, естественно, «относятся крестьяне и прочий распыленный элемент» (28, 12 февраля 1919 г.). Эти слова кажутся цитатой из Салтыкова-Щедрина или Андрея Платонова, однако за всем этим стояла, увы, не литература, а реальность.

Ленин, в целом, не склонен был к поиску серьезных компромиссов. Менять земельную политику, структуру власти он не собирался. Диктатура пролетариата казалась ему достаточно цельной и ценной политической доктриной, чтобы пожертвовать ей несколько десятков или даже сотен тысяч человек. Однако он готов был пойти на демонстрацию, на видимость компромисса, чтобы, обманув этой демонстрацией партнеров, заставить их самих работать на утихомиривание политической ситуации. Решено было вновь поиграть с эсерами в двухпартийное правительство. В зашифрованной телеграмме Раковскому 18 апреля 1919 года Ленин поделился соображениями о количестве отводимых им в правительстве мест: «Насчет эсеров советую никак не давать им больше трех и хорошенечко окружить этих трех надзором большевиков, а если не согласятся – им же хуже, мы будем в выигрыше». Через шесть дней Ильич шлет Раковскому еще одну недвусмысленную указульку: в случае расхождения эсеров с линией правительства в продовольственном и других основных вопросах – «подготовить изгнание их с позором».

А эсеры, глупцы, верили, что с ними играют серьезно!

Григорьев больше не верил. То, что григорьевское восстание разразилось с такою адскою силой, было следствием именно неверия, окончательного неверия крестьян в то, что с этой жестокой и тупой властью в принципе можно договориться. Уничтожить – можно. Истребить. Вырезать под корень. Силой заставить говорить с собою по-человечески. Этим настроением была задана чрезвычайная жестокость восстания, которая в конечном счете стала причиной его гибели.

Поначалу восстание во многих вселило надежду. Популярность Григорьева среди крестьян выросла необыкновенно; от него буквально ждали чуда; количество желающих записаться в его отряды во много раз превосходило количество оружия; добровольно привозили ему тысячи пудов хлеба. Одновременно сыграть на григорьевщине хотели и политики: призывно забились сердца анархистов-набатовцев, усмотревших в восстании начало «третьей революции» против всякой власти. С Григорьевым в тонах самых нежных говорили и члены

ЦК украинских эсеров, умоляя не проливать кровь (для демонстрации семнадцати эшелонов, двинутых на Екатеринослав, было вполне достаточно) и уверяя, что сейчас – особо благоприятный момент для политических превращений: все оттенки эсеров договорились между собой, большевики готовы допустить их к власти, «можно надеяться на разрешение в ближайшее время важнейших вопросов».

Григорьев, однако, уже не контролировал ситуацию. После грандиозного еврейского погрома в Елисаветграде, где «святыми тружениками» в слепой злобе было уничтожено три тысячи человек, от него отмежевались меньшевики, Бунд, эсеры, левые эсеры и даже анархисты, потерявшие многих своих товарищей, в числе которых оказался младший брат одного из большевистских вождей Г. Е. Зиновьева – Миша Злой. Не меньше жертв было и в Черкассах. В Смеле григорьевцы разграбили «буржуев», но этим не удовлетворились, стали хватать на улицах и в домах евреев, даже и бедняков, и уводить в особый вагон на станции. Шестидесяти узникам этого вагона в конце концов предложено было бежать прочь от полотна: вслед им зарычал пулемет. Лишь четверо спаслись случайно. «Ездившие на розыски трупов рассказывали, как в лесу возле Смелы ими найдены трупы, зарытые с обнаженными ногами поверх земли – головой вниз» (40, 72). Лишенная, а вернее, никогда не имевшая политического руководства, григорьевщина быстро выродилась в гигантскую погромную организацию. От атамана стали отворачиваться даже крестьяне: открывшийся 19 мая съезд крестьянских Советов Александрийского уезда резко высказался против погромов. Григорьев вынужден был оправдываться: «Я ни при чем... Ваши сыны...» Ему не вняли, постановив войти с советскими войсками в мирные переговоры. С двадцатых чисел мая григорьевские части начали потихоньку разбредаться по деревням...

Политически этот залповый выброс злобы имел только одно последствие – ЦК КП(б)У решил вопрос о вхождении в правительство левых эсеров из наиболее лояльной к большевикам группы «Борьба», отдав им, в точном следовании ленинским заветам, три второстепенных наркомата (просвещения, финансов, юстиции). Пролитая с двух сторон кровь так и осталась неоплаченной. Политика советской власти на Украине не изменилась.

Все это, однако, не замедлило сказаться на отношении «верхов» к еще одному участнику этой истории – комбригу Махно.

Уместно напомнить, что с конца марта, когда начался мятеж Зеленого, по конец мая, когда в основном было подавлено григорьевское восстание, Махно упорно сражался на фронте с белыми, хотя у него за спиной творились те же самые безобразия, что и на остальной территории Украины. Махновцы сражались с главными противниками большевиков, однако последние не переставали подозревать Махно в том, что он им изменит, изменяет или уже чуточку изменил. И до сих пор – хотя нет ни единого факта в пользу того, что Махно хоть чем-то поддержал Григорьева, – историки не могут удержаться, чтобы не намекнуть, что в принципе-то, конечно, поддерживал. Воистину, дедуктивные способности подчас идут во вред истине.

То, что начало григорьевского мятежа вызвало у большевистских руководителей панический страх, что Махно тоже выступит на стороне восставших, – это факт непреложный. Когда в ночь с 9 на 10 мая – в ту самую ночь, когда в Екатеринославе

получили «Универсал» Григорьева, – Махно почему-то отказался разговаривать по прямому проводу со Скачко – наступила такая паника, словно Махно уже выступил, началась «лихорадочная поспешная бессистемная и беспричинная эвакуация» города (1, т. 4, 240). Накануне вечером Каменев телеграфировал Ленину, что «почва для выступления» у Махно вполне подготовлена.

Откуда эта уверенность? От страха, что ли? И от страха же – подозрительный, надменный тон телеграммы, отправленной Каменевым Махно, по обычаю большевистского вождя, с дороги, из поезда:

«...Изменник Григорьев предал фронт, не исполнив боевого приказа идти на фронт. Он повернул оружие. Пришел решительный момент – или вы пойдете с рабочими и крестьянами всей России, или на днях откроете фронт врагам. Колебаниям нет места. Немедленно сообщите расположение ваших войск и выпустите воззвание против Григорьева, сообщив мне копию. Неполучение ответа буду считать объявлением войны. Верю в честь революционеров ваших – Аршинова, Веретельникова и других. Каменев» (86, 145).

Верил ли Каменев в то, что Махно, четыре месяца дравшийся с белыми, откроет им фронт? Наверяд ли. Деникин обещал за голову Махно полмиллиона рублей. Тогда смысл фразы, оброненной Каменевым, другой: это не опасливое предположение, а угроза. Он дал понять Махно, какая слава его ждет, если тот проявит колебания. Махно – которому на протяжении многих месяцев вдалбливалась в голову мысль, что если он не изменил сегодня, то уж непременно изменит завтра, – не замедлил с ответом:

«Заявляю вам, что я и мой фронт останутся неизменно верными рабоче-крестьянской революции, но не институциям насилия в лице ваших комиссариатов и чрезвычайек, творящих произвол над трудовым населением. Если Григорьев раскрыл фронт и двинул войска для захвата власти, то это – преступная авантюра и измена народной революции, и я широко опубликую свое мнение в этом смысле. Но сейчас у меня нет точных данных о Григорьеве и о движении, с ним связанном... поэтому выпускать против него воззвание воздержусь до получения более точных данных...» (2, 108).

Появление в Екатеринославе, в штабе Скачко и Пархоменко, делегации из пяти махновцев, которые просили пропустить их через линию фронта к Григорьеву, чтобы сделать о его движении самостоятельное заключение и, в случае необходимости, провести в его войсках соответствующую агитацию, вызвало крайнее замешательство. Опять стал мерещиться сговор. Однако на этот раз здравый смысл возобладал и делегатов отправили, несмотря на протесты Пархоменко, навстречу озверевшим легионерам Григорьева. Махновцы добрались до екатеринославского вокзала, занятого григорьевцами. Увидев груды трупов, евреев по преимуществу, вникли в сущность вопроса и поспешили назад. После этого Махно выпустил воззвание, в котором говорилось, что григорьевщина «пахнет петлюровщиной».

Григорьев лично пытался сноситься с Махно, но безрезультатно. Махно не собирался поддерживать его в борьбе за власть с большевиками. К тому же большая часть телеграмм Григорьева до Гуляй-Поля не дошла, а затерялась где-то в телеграфных пространствах. Часть из них перехватили чекисты. По-видимому, до штаба Махно дошло лишь одно

